

Цзин Юнь Чжао просто посмотрела на Цуй Цзюна с презрением, когда она выпрямилась на своем стуле с необыкновенным присутствием, прежде чем холодно рассмеяться, затем она произнесла:

— Ты намекаешь, что люди, которые приготовили эти вопросы, то они дали мне ответы заранее?

Среди девяти судей трое из них участвовали в составлении тестовых вопросов, и все они были очень уважаемыми старшими в своей области, не оставляя никаких шансов на то, что они передадут вопросы младшему, даже если младший был послан сюда уважаемым Старшим Сюем.

В конце концов, все эти старейшины все еще обладали собственным достоинством, и хотя некоторые из этих старейшин были жадными по своей природе, большинство из них все еще обладали честностью как люди в области медицины. Поскольку медицина обладала способностью как спасать, так и причинять кому-либо вред, с того момента, как эти старейшины начали изучать медицину, они одновременно узнали о морали и честности.

Очевидно, что иногда были бы люди, у которых не было бы честности. В конце концов, было легко быть испорченным после того, как человек испытал и славу, и богатство.

Однако три старейшины, о которых здесь идет речь, определенно были справедливыми и праведными, иначе они не были бы выбраны всеми, чтобы быть судьями.

В тот момент, когда Цзин Юнь Чжао закончила свои слова, выражение лиц трех судей стало плохим, когда они посмотрели на Цуй Цзюня.

— Мы трое с самого начала никогда не говорили ничего, что не имело бы отношения к соревнованиям. Мало того, мы даже не разговаривали ни с кем, не связанным с соревнованиями, так как же Цзин Юнь Чжао могла обмануть? Цуй Цзюнь, тебе лучше тщательно обдумать свои слова, прежде чем говорить! — с несчастным видом сказал один из судей.

Хотя Цуй Цзюнь был высокомерным человеком, он проявлял это только тогда, когда имел дело с людьми примерно того же возраста, что и он, но когда сталкивался с этими знаменитыми старейшинами, которые излучали внушительную ауру, ему нечего было сказать.

В результате, с красным лицом, полным смущения, он в панике ответил:

— Это не входило в мои намерения...

Цзин Юнь Чжао насмеялась над Цуй Цзюнем в своем уме, думая, что Цуй Цзюнь действительно был тем типом человека, который осмеливался запугивать только слабых, но все же съеживался в страхе, когда сталкивался с сильными.

— Тогда что ты имел в виду под своим комментарием? Если никто не давал мне ответов, то как я сжульничала? Поскольку ты сказал, что я жульничала, тогда тебе следует объяснить, почему ты так сказал? Если только ты не был в отчаянии и не сказал это в пылу момента, просто чтобы дискредитировать мои ответы? — спросила Цзин Юнь Чжао, не собираясь отпускать его.

Увидев Цуй Цзюня в затруднительном положении, Цзи Шань Шань поспешно сказал:

— Цуй Цзюнь сказал эти слова в пылу момента только потому, что не верил, что ты такая

потрясающая, почему ты так все усложняешь для него?

Хотя она больше не ненавидела Цзин Юнь Чжао, она всё ещё любила Цуй Цзюня.

Это было впервые для Цзин Юнь Чжао, когда она, наконец, встретила кого-то, кто бы так откровенно демонстрировал свою предвзятость по отношению к кому-то.

Раньше, когда Цзи Шань Шань не была рядом с Цуй Цзюнем, её поведение и действия были такими же, как у обычного человека, но в тот момент, когда она оказалась в присутствии Цуй Цзюня, её отношение менялось на 180°, и она была готова игнорировать свои отношения с Цзин Юнь Чжао. В результате Цзин Юнь Чжао был готов поспорить, что после окончания соревнований Цзи Шань Шань все равно найдет её и будет вести себя так, как будто ничего не случилось.

В этот момент Цзи Шань Шань была в основном шизофреником.

Цзин Юнь Чжао уставился на Цзи Шань Шаня, не находя слов, прежде чем произнесла:

— Цзи Шань Шань, ты сумасшедшая?

Хотя Цзин Юнь Чжао никогда не показывала свою слабость другим, она редко оскорбляла других. Однако она действительно больше не могла сдерживаться.

Как говорится, "Влюбленные женщины все сумасшедшие", и эта поговорка появилась не из ниоткуда, особенно применительно к людям с личностью Цзи Шань Шань.

— За что ты меня ругаешь! Если ты чем-то недовольна, то просто будь откровенна и скажи это!
— Сказала Цзи Шань Шань, нахмурившись, хотя она больше не сердилась.

Если бы это было раньше, она бы уже засучила рукава и пошла войной против Цзин Юнь Чжао. Однако, проведя время с Цзин Юнь Чжао в течение последних 2-3 дней, она знала, что Цзин Юнь Чжао была спокойным человеком и её нелегко было разозлить. Мало того, она также знала, что Цзин Юнь Чжао не была недалекой и не стала бы ссориться из-за пустяков. Очевидно, всё было по-другому, когда Цзин Юнь Чжао расправлялась со своими врагами.

Цзин Юнь Чжао бросила на неё быстрый взгляд, прежде чем ответить ей:

— Ты хочешь, чтобы я была откровенна? Хорошо, я скажу это за тебя! Я держу его за его слова и не отпускаю его не потому, что ненавижу его, хотя и ненавижу! Это потому, что это вопрос принципов! Тот факт, что он начал извергать такие бесстыдные слова в тот момент, когда они проиграли, показывает, насколько плох его характер как личности! Это показывает, насколько он незрел, основываясь на том факте, что он отрицал это после того, как получил выговор от старших! Взгляни сама, я даже ничего не сделала с Сунь Янь, но он уже бросился на её защиту, как белый рыцарь, это показывает, что у него явно проблемы со зрением, основанные на том факте, что он не только жаден, но и на том факте, что, когда он увидел, как ты бросилась на его защиту, он даже ничего не сказал... он только обдумывал, было ли твоё слепое стремление защитить его полезным или нет, полностью игнорируя вред, нанесенный твоей репутации! Цзи Шань Шань, мне все еще нужно что-то сказать, чтобы разбудить тебя?